

Оставив позади удивлённую толпу, Цзян Умянь пригласил Се Яньхана в боковой зал уездной управы. Не успел он задать вертевшийся на языке вопрос, как наставник заговорил первым:

— Перепись населения? Ты задумал перепроверить налоги и зерновые сборы в уезде Шаоюань?

Цзян Умянь проглотил готовые сорваться с губ расспросы и протянул исписанные листы с результатами вчерашнего обсуждения:

— Вы слишком хорошего мнения обо мне, учитель.

«Разве налоги и зерно — те вещи, к которым ему дозволено прикоснуться? На государственную казну зарится сам император, а уж на местах чинуши готовы урвать у него любой кусок»

— Перепись нужна ради просвещения, — объяснил Цзян Умянь. — Шаоюань развивается слишком стремительно, рабочих рук не хватает для всех замыслов. Приходится немного притормозить и заняться обучением людей.

Се Яньхан быстро просмотрел бумаги и попросил Цзян Умяня подробно изложить все его преобразования в Шаоюане с самого начала. Выслушав, он кивнул:

— Хорошо. Очередность ты выбрал верную. За что бы ты ни брался, зерно — всему основа.

Только сытый народ гарантирует покой, позволяя уезду развиваться дальше.

«Обучить основам, просветить умы народные» — мысленно вздохнул Се Яньхан.

Его младший ученик и впрямь метил высоко. Планы у него были выверены до мелочей, да и смелости воплощать их в жизнь юноше хватало.

Он не поспешил на похвалу:

— Твоё правление здесь, Хэньян, — истинное благословение для простого люда!

— Бесплатные обеды для учащихся — достаточная приманка для большинства, — ответил Цзян Умянь. — Минус одна трапеза дома — заметное облегчение для бедняцкой семьи. Научившись грамоте, они смогут зарабатывать: вырезать клише для печати, распространять книги, переписывать свитки на заказ или писать письма для неграмотных односельчан. Это лишь начальное обучение, фундамент. Дальше пойдёт разделение по направлениям: подготовка к экзаменам, арифметика, управление, строительство, различные ремёсла... Всё это — будущие

специалисты, без которых не обойтись при возведении причала.

— Мы запустим это одновременно с планом привлечения талантов. — Цзян Умянь передал наставнику ещё один документ. — Его цель — переманить мастеров и заполнить новые технологии.

Ознакомившись с планом, Се Яньхан задумчиво произнёс:

— Заманиваешь корабелов... Значит, хочешь построить пристань, открыть верфь и развивать прибрежную торговлю?

Задумка была превосходной, но крылся в ней один изъян.

«Срок службы уездного судьи не вечен. Может случиться так, что пристань только достроят, а его полномочия уже закончатся, и первая торговая джонка даже не успеет выйти в море под его началом»

— Пока это лишь наброски, людей мы ещё не набрали, — Цзян Умянь не питал иллюзий. — Шаоюань лежит в такой глуши, что даже обычные купцы обходят его стороной, что уж говорить о мастерах со своим ремеслом.

Сроком окончания этой программы значился последний день его трёхлетнего пребывания на посту.

Се Яньхан дошёл до раздела о размещении переселенцев:

— «Для знатоков строительства больших кораблей: освобождение от платы за переезд, предоставление жилья в черте города Шаоюань, денежная награда в серебре... Для мастеров счетоводства: предоставление общежития...» Хм, довольно продуманно.

Будь на его месте другие чиновники, они бы наверняка засыпали его проклятиями: мол, заманивать людей деньгами — дешёвый трюк, не требующий ума!

«Но разве умение заработать и пустить средства в ход — это не талант?»

После этого наставник и ученик окончательно договорились обо всех деталях. Цзян Умянь подробно рассказал о своих делах, чтобы избежать недоразумений из-за нехватки информации.

Промучившись над этим вопросом всю ночь, Се Яньхан понял: его возвращение в Шаоюань зависело вовсе не от младшего ученика. Пусть Цзян Умянь и заварил эту кашу, но расхлёбывать её и договариваться пришлось именно старшему ученику!

— Учитель, устраивайтесь поудобнее, а мне пора на встречу с директором уездного училища Сюй Чэном. Нужно обсудить разделение классов.

Се Яньхан махнул рукой, отпуская его, а сам принялся искать бумагу и кисть, чтобы поскорее написать старшему ученику и вывести всю правду.

Государственная школа в Шаоюане была крошечной: один директор уездного училища Сюй Чэн и один учитель под его началом. Вдвоём они тянули все школьные дела.

До появления Цзян Умяня они обучали лишь тех, кто только начинал постигать грамоту ради сдачи экзаменов на чин.

Но стоило новому судье переступить порог, как школа мгновенно превратилась в курсы ликвидации безграмотности. За учёбу теперь усаживали всех детей с семи лет, готовя из них элементарные рабочие кадры.

Директор уездного училища Сюй Чэн слушал грандиозные планы уездного судьи с совершенно потеряннм видом. Неужели он ослышался?

«Или вчерашнее вино оказалось слишком крепким, и хмель до сих пор не выветрился из головы?»

Все дети Шаоюаня с семи лет должны учиться грамоте? Откуда взять столько кистей, чернил и бумаги? Где найти учителей? А плата за обучение — кто её внесёт?

— Господин судья, — набравшись смелости, заговорил Сюй Чэн. — В школе катастрофически не хватает наставников. Сколько лет мы ни пытались заманить кого-то в Шаоюань, у нас осталось всего двое учителей. Один уже стар и ушёл на заслуженный покой, так что всё держится на мне и моём единственном помощнике.

Толкование изречений мудрецов отнимало все силы. Им физически некогда возиться с семилетней детворой и учить их складывать иероглифы.

Наставников слишком мало. Если уездный судья действительно намерен воплотить свой проект в жизнь, ему придётся искать кого-то другого.

Это ведь не дороги строить. Для прокладки дорог у Цзян Умяня были готовые чертежи, да и особых навыков там не требовалось — бери числом и делай.

Чего-чего, а рабочих рук в Шаоюане после наплыва переселенцев хватало.

Обучение же требовало образованных людей. И пускай планка стояла не слишком высоко —

всего лишь базовая грамотность да простейший счёт в пределах первой сотни, без заучивания философских трактатов и решения заумных уравнений.

Проще говоря, программа начальных классов.

Но где отыскать столько грамотеев для роли учителей?

Основная задача государственной школы — ковать будущих чиновников. Нельзя ради новшества губить устоявшееся дело и заставлять преподавателей тратить время на детей, которые никогда не пойдут на экзамены.

Однако у Цзян Умяня и на этот счёт имелось решение:

— Мы начнём с малого — проведём пробный набор, а затем станем расширять классы.

Если нельзя обучить всех сразу, почему бы не разделить их на потоки?

Поскольку школа находилась неподалёку от управы, логично начать прямо с улиц уездного города. Запустить первый этап, затем второй — точно так же, как они строили новые кварталы за пределами старых стен.

Любые крупные реформы требуют постепенности, и просвещение — не исключение.

Сначала нужно ограничить число мест, определить очерёдность, очертить границы районов. Двигаться шаг за шагом, от одного очага к масштабам всего уезда.

Те, кто освоит грамоту в первых рядах, со временем сами смогут учить новичков. Новое поколение подрастёт и вольётся в ряды преподавателей или строителей. В идеале это создаст бесконечный приток преданных делу специалистов.

Цзян Умянь принялся заманчиво расписывать перспективы перед Сюй Чэном:

— Подумайте, директор Сюй: плоды ваших трудов разойдутся по всей Поднебесной, а толпы учеников прославят ваше имя. Весь Шаоюань будет обязан вам своим просвещением.

Сюй Чэн посмотрел на него со смешанными чувствами. Как ни крути, а работы по начальному обучению детей ему не избежать!

Поняв, что увернуться не удастся, директор со вздохом принялся изучать бумаги, подготовленные уездным судьёй.

Помимо строгих правил поведения и критериев выпуска, Цзян Умянь полностью пересмотрел круг обязанностей учителей и сами учебные пособия.

«Новые учебники... базовые иероглифы... использование угольных палочек для письма ради экономии...» — Сюй Чэн разгладил нахмуренные брови, то поражаясь практичности идей, то погружаясь в глубокие раздумья.

Сюй Чэн сам когда-то грыз гранит науки и прекрасно знал, каких лишений это стоит.

Плата учителю — лишь полбеды. Настоящим бременем, способным пустить по миру любую семью, всегда оставались непомерные траты на бумагу, тушь, кисти и, главное, книги.

В прежние времена тексты вырезали на бамбуковых планках или писали на шёлке, что стоило баснословных денег. Это подтолкнуло людей к созданию бумаги, но и она поначалу обходилась недёшево, пока нынешняя династия не упростила производство.

И всё же книги оставались непозволительной роскошью для бедняков. Действенного выхода из этого тупика никто до сих пор не нашёл.

В плане Цзян Умяня все эти дорогостоящие принадлежности на первых порах безжалостно заменялись простыми угольными палочками и дощечками для письма. Учебные же материалы урезались до предела: только самые нужные слова и предельно упрощённые мудрости древних.

— Ваша задумка, господин судья, поистине гениальна! — Сюй Чэн мигом позабыл о своём недовольстве. У него загорелись глаза, и он почувствовал жгучее желание немедленно взяться за дело.

Но прежде требовалось уладить прорву мелочей: договориться со старой мастерской о печати новых учебников, привести в порядок и перестроить учебные помещения, вывесить указы о наборе учеников и утвердить новое расписание занятий.

Для первого набора требовалось не так много мест, поэтому в государственной школе решили ограничиться пристройкой двух классов во внутреннем дворе.

Благодаря опытной строительной артели работы завершились в кратчайшие сроки. Кроме того, Цзян Умянь ухитрился отыскать среди новоприбывших переселенцев ещё двоих грамотных людей, согласных учительствовать.

Число желающих превысило ожидания, из-за чего открытие пришлось ненадолго отложить: потребовалось возвести ещё пару пристроек во дворе, чтобы обустроить учебные места и жильё для новых наставников.

Благо затраты оказались невелики. Красный кирпич стоил дёшево, стены укрепили раствором

из местного цемента, а фундамент заложили привычным, дедовским способом. Вся стройка обошлась казне уезда всего в несколько десятков лянов серебра.

С тех пор как уездная школа начала расти вширь, все разговоры в Шаоюане сменились бурными восхвалениями уездного судьи.

Жители невольно сравнивали его с прежним правителем, который думал лишь о набивании собственных карманов. Новый же судья и рудники запустил, и плуги для заливных полей раздал, и мыловаренно-удобрительную мастерскую открыл, и дороги вымостил. Теперь вот за обучение детей взялся — и всё это ради блага простых людей!

Не прослужил он здесь и года, а сделал больше, чем его предшественник за целых шесть лет!

Впрочем, советник Цзян Цю, ведавший приходно-расходными книгами, мог бы возразить: этот новоявленный благодетель за один год умудрился растратить больше, чем прежний скупердяй скопил за все свои шесть лет службы!

В казне зияла дыра, которую латали исключительно за счёт доходов от добычи руды. Прибыль от караванов покрывала лишь малую часть трат, мастерская по производству удобрений до сих пор работала себе в убыток, спрос на улучшенные плуги упёрся в потолок, а торговля цементом только-только зарождалась.

Если отбросить доходы от рудников, то при сведении всех дебетных и кредитных колонок уездный бюджет уходил в глубокий минус.

Цзян Умянь лишь мельком взглянул на итоговые цифры:

— Доходы стабильно растут. Скоро мы выйдем в ноль, а там и чистая прибыль пойдёт.

В конце концов, деньги тратились на самое необходимое: закупку зерна, школу и возведение плотин.

Осенний урожай риса как раз засыпали в амбары. Благодаря освобождению от налогов у каждого крестьянина остался запас зерна на чёрный день, так закупать провизию со стороны пока не требовалось.

Школа была важнее всего, а следующим шагом должно стать орошение полей.

Тем временем уездные стражники сбивались с ног, сверяя списки жителей — нельзя было допустить, чтобы во время пробного набора кто-то из детей остался без внимания.

Сам же Цзян Умянь с головой ушёл в подготовку новых учебных пособий к печати.

В Шаоюане действовала лишь одна книгопечатная мастерская, да и та еле сводила концы с концами. Жизнь в ней теплилась лишь благодаря редким заказам от государственной школы да печати уездных указов. Если бы все эти бумаги приходилось переписывать вручную, чиновники увязли бы в бумажной волоките до скончания веков.

Сложив стопкой рукописи учебников, Цзян Умянь лично отправился к печатнику.

Завидев на пороге уездного судью, лавочник расплылся в подобострастной улыбке и поспешил увлечь важного гостя внутрь. Судья Цзян прослыл их главным покровителем: платил всегда звонкой монетой и без проволочек. Его визит всегда означал крупную выгоду.

— Господин Цзян, какую важную весть нам на сей раз напечатать велите?

Цзян Умянь выложил на прилавок аккуратную, перевязанную стопку листов:

— Будем печатать книги. Для начала нужен тираж в три сотни списков каждого пособия.

Первый набор ограничили двумя сотнями учеников. Часть книг предназначалась для нужд самой управы, а остаток — для вольнослушателей, которые наверняка захотят прийти на уроки.

Хоть сами книжицы и были тонкими, но при таком количестве наименований общий объём выходил внушительным.

Услышав о заказе, печатник поначалу возликовал — такой куш кормил бы его мастерскую целый год! Но, быстро прикинув объём работы на счётах, он мгновенно сник и уныло пробормотал:

— Беда, господин судья... У нас столько бумаги отродясь в лавке не водилось. Придётся вам подождать с полмесяца, пока мы не доставим новые тюки из префектуры Цинчжоу.

Цзян Умянь лишился дара речи.

«Неужто во всей префектуре Нанькан среди восьми уездов не нашлось ни единого торговца писчей бумагой?»

<http://bllate.org/book/19045/2005020>